

В. А. Рабош

СВОБОДА КАК СИНТЕЗ ХАОСА И РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

В статье исследуются прасинергетические мотивы системной организации развития в философии И. Канта. Выявляется влияние его философских идей на разработку современной концепции устойчивого развития.

V. Rabosh

FREEDOM AS SYNTHESIS OF CHAOS AND RATIONALITY
IN I. KANT'S PHILOSOPHY

The synergetic motives in the system organization of development in I. Kant's philosophy are investigated. The impact of Kant's philosophic heritage on the modern concept of steady development is identified.

Качественно новый этап в формировании идеи развития, самоорганизации, самодвижения начинается вместе со становлением немецкой классической философии. В ней представления об устойчивом развитии впервые столь определенно связываются с идеями историзма и системной организации сущего¹.

Согласно классикам немецкой философии, центральное звено в комплексе противоречий, составляющих источник самодвижения, это — единство и противоречие субъекта и объекта. Теоретическое изображение их взаимодействия предполагает органическое включение мышления в сам процесс этого изображения, в результате чего оно само предстает как развивающийся, наполненный внутренним движением процесс.

Кант на новом этапе историко-философского процесса, по сути, воспроизводит методологический ход Декарта, перенесшего основания всеобщности в сферу субъекта. Включение реального процесса мышления в процесс теоретического моделирования всеобщего, осуществляемый в рамках трансцендентального подхода, сделал очевидным необходимость понимания всеобщего как процесса развития. Без сомнения, это самый радикальный шаг в преодолении метафизического способа мышления, поскольку понимание всеобщего лишь как абстрактно-всеобщего, лишённого внутреннего различия и импульса к развитию, ставило, как мы видели, заслон на пути разработки конкретной теории развития особенного и единичного.

Но если для Декарта развитие всеобщего было процессом движения от субъек-

тивности к объективности, от «*cogito, sum*» к Богу, то Кант предлагает более радикальный проект, ограничив сферу всеобщности рамками субъективности. В итоге развитие всеобщего выступает как дедукция логических категорий, призванная конкретизировать содержание единства абсолютного самосознания. Разумеется, это крайне сужает сферу теории развития, однако, с точки зрения философии, данный шаг был исключительно важен и кантовское учение о дедукции категорий означало движение мысли в глубь, в сущность самой «ткани» развития.

Вместе с тем в учении Канта обозначается противоречие между принципом развития и принципом системности, которое фиксируется как несовместимость свободы и системы. Космологическое понимание свободы Кант мыслит как самопричинение, которое не требует для себя никакого основания. Такого рода свобода есть «...способность *само собой* начинать некоторый ряд следующих друг за другом вещей или состояний»². «Само собой начинать», т. е. *sua sponte*, означает «начинать спонтанно». Действовать спонтанно — это быть свободно предоставленным самому себе, это есть абсолютное *само*-действие. Способность к самодействию лежит в основе воли как таковой. Свобода как *causa sui*, то есть как самопроизвольное начинание или свободная причинность — с одной стороны; с другой стороны — система философской мысли, которая требует для себя основания. Это столкновение между свободой и системой составляло существенную проблему также для всей ново-

европейской философии, начиная с Декарта и вплоть до Гегеля, раннего Маркса и даже Ницше. Синтез понятий свободы и системы продуцирует понятие самоорганизации, поскольку самоорганизованная сущность это и есть система, поддерживаемая не каким-то внешним регулятором, а внутренними процессами, по терминологии Канта, не гетерономными, а автономными. И. Кант видел самоорганизацию как такое взаимодействие частей, когда каждая часть обязана своим существованием действию остальных и существует ради остальных и всего целого. Кроме того, часть должна быть органом, производящим другие части, которые также взаимно производят остальные. «Никакой искусственный инструмент не может отвечать такому определению, но только такой, в чьи ресурсы входят материалы всех существующих частей-инструментов. Только при выполнении таких условий, только в такой терминологии может существовать такой продукт, как организованное и самоорганизованное бытие и, как таковое, оно может быть физически оправданным и законченным»³.

Разрешение этого столкновения требует новой формулировки вопроса о соотношении системы и свободы. Еще раз отметим следующее. Свобода как *самоначинание* не требует для себя никакого основания. Система же всегда должна быть как-то основана и обоснована.

Свобода есть преодоление антиномии хаоса и рациональности, своего рода их позитивный синтез. В аспектах проблематики социальной философии эту антиномию мы находили в учении Гоббса, описавшего соотношение социального порядка на макроуровне и хаоса индивидуальных волей на микроуровне. Характерно, что в попытке найти пути ее разрешения Гоббс также выходит на проблематику свободы, а именно: свободы волеизъявления в акте общественного договора, за-

крепляющего отчуждение прав лица в пользу суверена. Однако здесь данная проблематика не получает дальнейшего развития, свобода остается единичным актом, по сути, — абстракцией действительной свободы человека и общества. В результате синтез социального хаоса и рациональности решается за счет приоритета и давления государственности над свободой отдельной личности.

Кант, напротив, делает принцип свободы центральным пунктом своей социальной философии. В теоретическом аспекте своей деятельности разум способен определить сферу свободы только лишь отрицательно, исходя из анализа своих возможностей и границ. Положительное необходимое понятие свободы дает только моральный закон. Свобода, определяемая как «независимость от всего эмпирического и, следовательно, от природы вообще...»⁴ выступает необходимым фундаментальным условием возможности этого закона. Без свободы «невозможен никакой моральный закон, никакое вменение по этому закону»⁵.

Таким образом, в теоретической сфере разум упорядочивает изначально хаотическую природу вещи-в-себе. Но теперь это уже не новоевропейское «ratio», а речь уже идет о спонтанной, самоопределяющейся и самоорганизующейся способности субъекта познания. Если рассматривать его как субъект действия, то способность самоопределения и самоорганизации, являющаяся в учении Канта своего рода прерогативой разума, фокусируется в принципе автономии воли. Организация социума, таким образом, имеет своим источником самоорганизацию личности. В личностной сфере формой взаимодействия хаоса и рационального порядка выступает мораль, которая, не являясь суммой принципов, гетерономных для личности, фактически и является способом ее самоорганизации. На социальном уровне подразумевается, что

противоречие хаоса и логоса разрешается в праве.

В качестве первой методологической посылки проблема соотношения свободы личности с внешней необходимостью трансформируется Кантом в проблему соотношения законов природы, которые являются законами необходимости, с законами права и законами нравственности, которые являются законами свободы. В «Критике практического разума» Кант стремится преодолеть утверждения теоретиков права эпохи Нового времени об абсолютной противоположности личности, развивающейся по законам свободы, и внешнего ей мира, развивающегося по законам природы. Осуществить это — значит обосновать автономию личности. Иначе говоря, Кант вышел на идею активного участия личности в собственном преобразовании, другими словами, — на идею личностного саморазвития, хотя эта идея и не получает в философии Канта своего дальнейшего систематического развития.

Говоря о том, что этико-правовая концепция Канта предполагает поиск определенной формы соотношения и даже взаимодействия хаоса и рациональности, не лишним будет вспомнить, что именно это содержание учения немецкого мыслителя эксплицировали в начале XX столетия русские философы-неокантианцы школы П. И. Новгородцева, используя его для критики всех форм социального утопизма, для обоснования тезиса о роли идеала в праве и, как следствие, для преодоления кризиса правосознания.

Истоки кризиса правосознания П. И. Новгородцев во многом связывал с абсолютизацией рационального начала в общественной жизни и в недооценке элемента хаотичности, стихийности. В итоге в эпоху Просвещения и в последующем за нею XIX столетия возможности и роль государства были серьезно преувеличены. Апофеоз права, вызванный Великой

французской революцией, сменился осознанием неспособности правового государства воплотить идеальную мечту. Это настроение кризиса оказалось итогом всей политической эволюции XIX века. Начиная с Канта, сначала в умах ученых, а потом и среди широкой общественности утверждается идея о том, что государство и право суть истинные формы свободы личности, дающие этой свободе возможность устойчивого существования в обществе. Эта идея потом была усилена в учениях юридического позитивизма. Кризис государства, обнаруживший его ограниченность, его пределы, неизбежно должен был повлечь за собой и кризис правосознания, чреватый скептицизмом и правовым нигилизмом⁶.

Ответственность за преодоление кризиса правосознания Новгородцев в значительной мере возлагал на правовую науку, призванную в этих условиях существенно уточнить устоявшееся понятие государства. А именно — показать границы возможностей организации общества в соответствии с высшими идеалами и ценностями, которые включает в себе государство; раскрыть пути утверждения начал нравственности в государственном строительстве; указать точки соприкосновения начал государственности и начал нравственности. Решить эти и другие задачи, неизбежно возникающие в процессе реинтерпретации понятия государства, согласно Новгородцеву, может более глубокое прочтение Канта. Представление об абсолютности норм морали и нравственности (пусть даже эта абсолютность имеет истоком активность субъекта и потому сама субъективна) при этом диалектически сочетается с представлением об относительности форм рациональности в объяснении социальной жизни, с представлением о необходимости допустить некоторый иррациональный, стихийный, хаотический остаток в общественных процессах.

Суммируя сказанное, можно сделать следующие выводы. Понятие свободы, развиваемое Кантом в русле классической традиции, обладает, тем не менее, весьма существенным потенциалом и для генезиса синергетической модели устойчивого развития. Институциональные формы свободы — мораль и право — фиксируют достижение определенного уровня развития личности и общества, соответствующего гуманистическим представлениям о предназначении человека. В основе этого развития и закрепления его результатов лежат механизмы самоорганизации и саморазвития. При этом свобода предстает динамическим процессом, удерживающим

в системном взаимодействии начала хаоса и гармонии. В учении о познании, о душе, о человеке Кант очерчивает одну из основных проблем устойчивого развития общества — проблему воспитания человека как субъекта свободы. Эта свобода ни в коем случае не должна быть безмерна и произвольна, а должна представлять собою своего рода синтез хаоса и рациональности. Если речь действительно идет о человеческой свободе, основанной на принципе автономии субъекта, то это требует специального образования воли личности, способной к самоорганизации и ответственной перед собой, перед другими людьми, перед обществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Мотрошилова Н. В.* Путь Гегеля к «Науке логики»: Формирование принципа системности и историзма. М., 1984.

² *Кант И.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. С. 422.

³ *Хищенко В. Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М., 2005. С. 10.

⁴ *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 1995. С. 204.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М., 1908. С. 20.